

Фототов А. Г. Россия: инновации и развитие. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год.

УДК 94(470.55).084.9:323.22

Р. Ш. Хакимов

ДЕЛО № 1335. ЗЛАТОУСТ, 1957 ГОД

На основе архивно-следственного дела № 1335 исследуются настроения молодых рабочих и учащихся ремесленного училища города Златоуст Челябинской области, создавших в 1957 г. подпольную молодежную группу, занимавшуюся изготовлением и распространением самодельных листовок антисоветской направленности. Раскрыты мотивы, конкретные действия и характеристики участников группы.

Показано, что объективными причинами для выступления молодых рабочих была неудовлетворенность своим положением. Идеологию их выступления автор определяет как «наивный коммунизм» и «народный сталинизм».

Ключевые слова: металлургический завод, протестные настроения, подпольная группа, радио «Голос Америки», молодые рабочие, Златоуст, КГБ, репрессивные практики.

В течение многих десятилетий на советских граждан наводила страх 58-я статья Уголовного кодекса, которая устанавливала ответственность за контрреволюционные преступления. Она появилась в советском уголовном законодательстве еще в 1922 г. Сложилось мнение, что по 58-й статье осуждали только при Сталине, а после его смерти в 1953 г. и осуждения культа личности данная практика прекратилась. На самом деле это не так. Сохранение и правоприменительная практика 58-й статьи являются характерным примером незавершенности и половинчатости хрущевской политики «оттепели».

Лишь с 1 января 1961 г. в стране начал действовать новый Уголовный кодекс РСФСР, где исчезла ст. 58 «Контрреволюционные преступления». Но появилась глава «Государственные преступления», которая содержала статьи с 64-й по 88-ю и делилась на две части.

«Златоустовское дело» стало одним из последних групповых дел в СССР по 58-й статье. Во многом оно является типичным для характеристики и подобных дел, и внутреннего гражданского сопротивления советской системе, прежде всего, со стороны рабочих.

В истории советской системы были разные периоды по уровню внутренней свободы: этап прямого вооруженного подавления (Гражданская война), жестокие политические репрессии 1930-х гг., периоды ослабления давления со стороны власти. Одним из таких достаточно кратких периодов ослабления была известная «оттепель», когда руководителем партии и государства был Н. С. Хрущев.

Однако проводимая новым лидером политика демократизации общественной и политической жизни была непоследовательной и незавершенной. Суть хрущевской позиции сводилась к тому, что при И. В. Сталине были нарушения, однако советская социалистическая система вполне жизнеспособна и нуждается только в исправлении допущенных в результате культа личности ее искажений и нарушений. Даже осуждение культа личности Сталина было непоследовательным.

В Златоусте сохранялись названия, связанные с прежним культом вождя: металлургический завод имени Сталина, Сталинский район, газета метзавода до 1 января 1957 г. называлась «Сталинец», улица Сталина, около Дворца культуры «Победа» возвышался памятник Сталину. Такой половинчатый подход не мог не вызвать реакции со стороны общества, и, прежде всего, со стороны рабочих, ставших к тому времени основной социальной группой в советском обществе.

Отличительной чертой хрущевской «оттепели» было первое в советской истории появление подпольных групп среди рабочих. Это произошло впервые после свержения царизма. Антисоветчиками при Н. С. Хрущеве, как отмечают исследователи [см. например Паповян], по большей части были студенты и рабочие, но не интеллигенция.

Одной из главных причин появления протестных настроений являлся разрыв ожиданий рабочих с советской действительностью, где основными благами пользовались не они, а партийная номенклатура и часть интеллигенции (творческой и научной). К тому же интеллигенция реально ощутила расширение пространства интеллектуальной свободы. Большая часть интеллигенции, позже получившая наименование «шестидесятники», поддерживала новые веяния и курс на либерализацию общественной жизни.

Даже крестьяне-колхозники, самая бесправная и угнетаемая социальная группа в Советском государстве, после жестокого подавления в сталинский период получила значительные послабления. Для них были снижены налоги, сняты ограничения с личных подсобных хозяйств, значительно повысились оптовые заготовительные цены для колхозов.

Следует отметить, что некоторые улучшения ощутили на себе и рабочие. Президиум Верховного Совета СССР указом от 25 апреля 1956 г. отменил судебную ответственность рабочих и служащих

за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины, Решением от 26 мая 1956 г. был установлен шестичасовой рабочий день для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет (с 1 июля 1956 г.)

Но рабочие в меньшей мере почувствовали положительные изменения. Большая их часть продолжала проживать в бараках, заработная плата удовлетворяла лишь минимальные потребности. Уровень потребления минимальных жизненных благ свидетельствовал об абсолютной бедности основной части населения. Бюджетные обследования семей рабочих, проведенные ЦСУ СССР в первом квартале 1954 и 1955 гг., показывали, что доля среднемесячных расходов на питание, одежду и оплату жилья составляла в совокупном доходе семьи рабочего 70 %, а среднемесячный остаток наличных денег равнялся нулю [см.: РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 128, л. 105–116].

Снижение расценок на труд, повышение цен, введение новых налогов на фоне деклараций о борьбе за повышение уровня жизни вызывали раздражение рабочих. Все более нарастало противоречие между социальными ожиданиями рабочих и реальными достижениями рабочего режима.

Большинство недовольных властью, как рабочих, так и студентов, действовало под лозунгами возвращения к реальному социализму, к ленинским идеалам. Следует отметить, что очень часто инициаторами антисоветских неформальных групп выступали молодые рабочие. Этому есть объяснение: молодежь в силу своей природы настроена более максималистски, чем взрослые, но, по сравнению со старшими она более обделена материальными благами, поскольку неопытна, хуже профессионально подготовлена и находится на более низких ступенях социальной иерархии.

География выступлений рабочих в Советском Союзе была весьма широкой, они происходили практически в каждой крупной промышленной области. Необходимо оговориться, что эти выступления были стихийными, разного уровня организации и масштаба: чаще единичные, в форме писем, устных высказываний, надписей в общественных местах. Так, в период мая и июня 1962 г. имело место распространение нескольких анонимных антисоветских листовок в городах Магнитогорск и Троицк [см.: ОГАЧО, ф. П-288, оп. 42, д. 79, л. 29].

В г. Златоуст Челябинской области была организована рабочая группа, выступившая с антисоветскими лозунгами. Это произошло зимой 1957 г. Нами было исследовано следственное дело № 1335 с целью изучения политических настроений рабочих уральского города, и прежде всего молодых рабочих, в контексте проблематики «власть и общество» в рубежный период хрущевской «оттепели».

В группу входило шесть человек: трое молодых рабочих и трое учащихся системы трудовых резервов, как тогда называли профессиональное образование.

Все члены группы были хорошо знакомы между собой. Так, Дмитрий Синякин и Владимир Кульбиков вместе учились в школе, а затем в одной группе в ремесленном училище № 11, здесь же учился Исаев. Геннадий Зимнухов и Синякин работали в одном цехе металлургического завода и даже на одном станке, Юрий Танцырев и Кульбиков жили на одной улице – 4-й Литейной. Все жили в Чапаевском поселке. Небольшие деревянные дома, без всяких коммунальных удобств, облепили склон горы. Здесь была только колонка городского водопровода. В поселке жили дружно, все знали друг друга.

Ребята с окраины были обычными рабочими парнями: ходили в кино в клуб им. Чапаева, посещали каток, играли в шахматы, катались на лыжах, гуляли по улицам, некоторые дружили с девушками. Зимнухов очень хорошо играл на гармошке; по словам его сестры З. М. Зимнуховой, он был «прирожденный музыкант».

Новый 1957 год ребята встретили вместе. Они активно занимались спортом. Так, например, 13 февраля 1957 г. Танцырев, Кульбиков, Синякин и Исаев ходили в металлургический техникум им. Аносова, чтобы записаться в секцию бокса. Но ребятам не повезло – запись уже была закончена [см.: Там же, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 164].

Обратим внимание на дату – это происходит уже после того, как члены группы распространили первую листовку. Написание и распространение антисоветских листовок, направленных против существующего строя, во многом воспринималось молодыми людьми как некая игра с элементами риска.

20 января 1957 г. вечером в квартире Зимнухова, когда дома больше никого не было, Кульбиков и Синякин, вырвав листы из обычной ученической тетради, авторучкой написали текст следующего содержания:

«Товарищи друзья! Отцы, братья, сестры, мамы. К вам обращаются рабы коммунистического режима, с просьбой не верить Советской власти, не верьте советской пропаганде. Все идет *не так гладко как пишется в газетах, журналах и т. д.* Советская власть только на бумаге. А на деле все та же кабала. Читайте и рассказывайте про наши листовки (здесь и далее орфография сохранена, курсив автора. – *Р. Х.*)» [Там же, л. 49].

Затем было сделано еще четыре экземпляра этой листовки. После этого в общественных местах города (на трамвайной остановке, около магазина, водоколонки и т. п.) были распространены все пять экземпляров: четыре прибиты мелкими гвоздиками, а одна брошена

в почтовый ящик. При распространении листовок, как объяснил Д. Синякин, выбирались наиболее многолюдные места: «Это делалось для того, чтобы листовки прочитало как можно больше народа» [Там же, л. 81].

Листовки распространяли Кульбиков и Синякин, а Танцырев, Волков и Зимнухов при этом присутствовали [Там же, л. 209].

Дня через два Кульбиков с Танцыревым сходили и посмотрели, висят ли листовки у райсовета и на столбах в Закаменке, но их там уже не было [Там же, л. 22].

Прошло некоторое время. 3 февраля Кульбиков, Синякин, Танцырев, Исаев и Зимнухов с 21 часов в клубе им. Чапаева смотрели кинофильм «Пролог».

Из показаний В. Кульбикова: «По окончании сеанса вышли из зрительного зала и остановились недалеко от выхода и вели разговоры на разные темы. Затем спросил, *не слышно ли что о наших листовках*. Они все ответили, что нет. Тогда я сказал, что давайте развернем еще *писанину*. Все четверо стали возражать, предлагали еще обождать. Я настойчиво предлагал. Тогда кто-то меня поддержал, но кто не припомню, а затем все согласились. Договорились, что писать будем тогда, когда у кого-нибудь не будет родственников дома. После этого все пошли домой» [Там же, л. 23].

Обращает на себя внимание слово «писанина», характеризующее достаточно легкое отношение к листовкам, а также ожидание, что после написания листовок что-то должно было произойти.

Ю. Танцырев сказал на допросе: «...рассуждали так: пусть мол прочитают наши листовки жители города Златоуст, а мы посмотрим как на это будет реагировать народ, будут ли какие разговоры и какие мнения. Таким путем мы хотели проверить, что не является ли правдой все то, о чем говорится в радиопередачах “Голоса Америки”» [Там же, л. 133].

15 февраля 1957 года на квартире Кульбикова было изготовлено еще 10 листовок. На допросе 24 февраля Синякин показал: «Когда я пришел к Кульбикову около 9 часов вечера, то застал там уже Танцырева и Исаева, которые уже писали листовки и *баловались* ... предложили мне переписать одну листовку, что мной и было сделано» [Там же, л. 69 об.].

Как видно из этих слов, для участников группы листовки во многом была игрой. Листовка была следующего содержания:

«Ко всем гражданам Советского Союза обращаемся “мы” не верте пропаганде, что пишут в газетах и сообщают по радио, что Советские люди живут хорошо, но если рассмотреть с другой стороны, то получа-

ется иначе они не живут, а существуют. В Венгрии прошли народные восстания, а не контрреволюционный заговор народ не хотел мириться с положением создавшим внутри страны и поднялся на защиту своих прав: Довольно такому произволу: Да здравствует свободная Анархия» [Там же, л. 49д].

Ввиду того, что авторами листовок были разные авторы, они написаны по-разному, каждый вносил в листовки свое содержание. Так, был и другой вариант:

«Ко всем гражданам Советского Союза обращаемся мы, рабочие, сыны рабочего народа. Мы обращаемся к вам с просьбой помочь нам в нашем деле, читайте наши листовки, рассказывайте про них другим людям. В Венгрии произошло народное восстание. Виновато в этом наше правительство. Никита Хрущев пьет гуляет и разъезжает по странам, гуляют с ним все наши правители, а мы влачим нищенское существование. До 1917 г министрами были капиталисты, в наше время министры не хуже капиталистов. Придет время и Хрущев с Булганиным пропьют Советский Союз. Но будет и на нашей улице праздник, будут времена и справедливость восторжествует» [Там же, л. 49и].

Члены группы определяли себя как представителей рабочего класса, задумывались о справедливости вокруг себя, исходя из уровня собственного развития, высказывали свое видение положения в стране и в мире и пытались найти ответы на волнующие их вопросы. В чем-то их понимание событий было примитивным и наивным, в чем-то очень близким к истине, и было направлено на поиски социальной справедливости.

Выделим ряд моментов из содержания листовки:

- «мы рабочие, дети рабочих»;
- обращение к людям и призыв к гласности;
- сравнение своего положения с положением до 1917 г.;
- ожидание перемен в будущем.

Листовки ребята сочиняли вместе, писали Кульбиков и Исаев. Как объясняют сами участники, «у Кульбикова был более красивый почерк, чем у остальных». А распространяли уже все: Кульбиков с Танцыревым с листовками пошли в одну сторону, а Синякин с Исаевым в другую. Как показал Кульбиков, гвозди забивали камнем. Это свидетельствует об элементе спонтанности в действиях подростков.

Если первую листовку прикрепляли тем, что под рукой, то вторую – уже заранее купленными кнопками к забору, к стенам домов, магазинов, у пожарного депо (ул. 2-я Закаменская, д. 1), у 2-го отделения милиции, на витрину на городской площади, на заборе метрах в пятидесяти от главной проходной завода [см.: Там же, л. 26, 210].

Конечно, такое событие сразу стало известным в небольшом рабочем городе (население Златоуста в 1956 г. насчитывало 143 тыс. чел.), и в первую очередь для органов госбезопасности. Тем более, что во время второй расклейки, когда одну из пяти листовок члены группы прикрепляли к витрине кинотеатра имени Чапаева, их могли видеть парень с двумя девушками.

Из допроса В. Кульбикова: «...так как когда мы прикрепляли листовку... то вскоре к ней подошли парень и две девушки и мы видели, как они ее сорвали. Поэтому мы пятую и не стали расклеивать. Они видимо про нас и рассказали. Но кто они мы их с Танцыревым не знали» [Там же, л. 26].

Так, видимо, и произошло, потому что первыми были арестованы Кульбиков и Танцырев.

Часть листовок была сразу обнаружена и изъята с мест, куда они были вывешены. 16 февраля в 7 часов утра листовку около магазина № 24 горторга обнаружил майор милиции Пимашин, другую листовку снял заместитель начальника отряда пожарной части Величутин, третью сняла милиционер Лазарева, четвертую – поставой милиционер Ларионов, еще одна листовка была обнаружена рабочим Новожевым [см.: Там же, д. 5241, л. 2 об., 3–6].

Одно письмо из почтового ящика на углу улиц Карла Маркса и 2-я Айская попало на сортировку Златоустовской конторы связи и было там обнаружено сортировщицей Гильмутдиновой и также передано работникам отдела КГБ [см.: Там же, л. 8, 9].

Работники Управления КГБ стремились, во-первых, обнаружить и изъять все листовки, распространенные в городе, и, во-вторых, выявить круг прочитавших листовки. Все это делалось в целях недопущения распространения информации как о листовках, так и об их содержании.

На допросах всем, обнаружившим листовку, задавался обязательный вопрос: «Кто читал эту листовку, кроме вас?» [Там же, л. 11].

Нет достоверных сведений о том, что органам КГБ и милиции удалось собрать все антисоветские листовки. Какая-то часть листовок, примерно половина из 15 распространенных в городе, так и не была найдена. И даже за то короткое время, пока эти листовки висели в общественных местах, какие-то люди вполне определенно могли прочитать эти листовки. Пусть и до малого числа жителей города, но эти листовки дошли.

Работники городского отдела УКГБ совместно с милицией стали вести поиск распространителей и авторов листовок. Поскольку содержание свидетельствовало о том, что текст написан молодыми людьми, и ввиду того, что листовки были написаны от руки, в учебных заведениях (школах, ремесленных училищах, техникумах), на предприяти-

ях города были изъяты образцы текстов, написанных подозреваемыми. В деле имеются тесты, написанные под диктовку обвиняемыми.

24 февраля 1957 г. была сделана графологическая экспертиза. Были обнаружены совпадения в почерке у подозреваемых. Следует отметить, что у органов госбезопасности уже имелся многолетний опыт работы по распознаванию авторства анонимных текстов. Еще в 1930-е гг. органы НКВД начали составлять целые почерковые альбомы, используя заявления граждан в органы коммунального хозяйства, в паспортные столы.

Так, в Ленинграде в конце 1940-х – начале 1950-х гг. имелось большое количество поулочных почерковых альбомов, охватывавших значительную часть жителей города [Иванов, 2011, с. 27–44].

24 февраля 1957 г. задержали Танцырева, а 26 февраля – Синякина и Кульбикова, но Синякин был затем отпущен, и снова арестован 14 марта. На свободе по подписке о невыезде были оставлены Волков, Исаев и Зимнухов. Задержание было весьма характерным. Из показаний Синякина: «Будучи около кинотеатра имени Чапаева я, Кульбиков и Зимнухов взяли билеты на вечерний сеанс с 8 часов, но посмотреть кино не удалось, так как я был задержан и доставлен в следственные органы» [Там же, д. 5240, л. 83].

12 марта 1957 г. следователь следственного отдела УКГБ СССР по Челябинской области подписал постановление о предъявлении обвинения, в котором говорилось:

«Кульбиков, Синякин по обоюдной договоренности в январе 1957 года в городе Златоуст создали антисоветскую группу, члены которой систематически вели между собой антисоветские разговоры, а также неоднократно изготавливали и распространяли в многолюдных местах города рукописные листовки антисоветского характера» [Там же, л. 38].

Изучение дел подследственных показывает, что никаких противоправных действий они ранее не совершали. Никто из них не был судимым. Зимнухов, Исаев и Синякин были комсомольцами. Все обвиняемые были неженатыми, происходили из рабочих семей.

Так, отец Г. Зимнухова, Митрофан Сергеевич работал на метзаводе, мать, Матрена Степановна – на заводе им. Ленина. З. М. Зимнухова пишет:

«Родители из бедных крестьян, приехали в Златоуст в начале 1930-х годов. Мои родители начали свой трудовой стаж с 13 лет. Отец работал подручным кузнеца. На тяжелой работе подорвал здоровье и довольно рано ушел из жизни. Его младшие брат и сестра – фронтовики. Сестра, заведующая отделом ЦЗЛ, была еще членом партбюро завода и избиралась в депутаты». Отец В. Волкова работал бригадиром электрослесарей

в чугуно-литейном цехе метзавода. Образование у всех обвиняемых было семь классов. Все они после получения специальности начали работать. У некоторых необходимость зарабатывать приводила к тому, что им приходилось оставлять учебу. Синякин после учебы в ремесленном училище поступил в 8-й класс вечерней школы, но, как он объясняет, «нужно было осенью копать картошку, я бросил учиться в школе».

В характеристиках отмечалось:

Кульбиков: «имеет взыскание за нарушение внутреннего распорядка, в общественной жизни цеха участия не принимал».

Синякин: «к работе относится плохо – производственные задания не выполняет. Трудовая и производственная дисциплина неудовлетворительная. Со стороны администрации имеет взыскания 8.10.56 г. за опоздание на работу, 11.01.57 г. прогул, 30.12.56 г. самовольный уход с работы. Морально неустойчив. В общественной жизни цеха не участвует».

Танцырев: «за период обучения проявил себя как дисциплинированный уч-ся. К овладению специальности имеет способности и желание. По изученным предметам имеет хорошие отметки... После окончания школы он может быть хорошим специалистом своего дела».

Исаев: «в течение срока обучения проявил средние способности, учится по большинству предметов на «3» и «4», мог бы учиться лучше, на уроках любит поговорить, не всегда выполняет домашние задания. В общественной жизни училища никакого участия не принимает, грубых нарушений дисциплины не имеется... Много читает художественной литературы».

Зимнухов: «к работе относится удовлетворительно, но имеет случаи невыполнения норм выработки, имеет в своей работе браки, трудовая и производственная дисциплина удовлетворительная. Морально неустойчив, находится под влиянием (вписано сверху. – Р. Х.) *неблагонадежных* товарищей. В общественной жизни цеха участия не принимает».

Волков: «проявил средние умственные способности, по большинству предметов учился на «3», дисциплинирован, безынициативный, в общественной жизни училища участия не принимал. Художественную литературу читает мало» [см.: Там же, д. 5241, л. 135, 136, 137, 138, 139, 140].

Можно отметить, что, кроме Синякина, остальные участники группы особо не выделялись в отрицательную сторону. Об этом даже можно судить по вписанному после написания характеристики слову «неблагонадежных». Как и все молодые люди своего возраста, они имели свои интересы и свои недостатки. Если молодой токарь Зимнухов, работающий полгода, не выполнял норму и допускал брак, то это вполне объяснимо ввиду малого опыта. Также заметим, что все эти характеристики были представлены уже после свершившегося ареста, что не могло не сказаться на их содержании.

По возрасту самым старшим был Волков, он родился 26 мая 1939 г. На момент суда ему было 17 лет и одиннадцать месяцев, самым младшим был Исаев – родился 3 июля 1940 г., на момент суда ему было 16 лет и десять месяцев. Синякин родился 23 января 1940 г., Зимнухов – 4 августа 1939 г., Кульбиков – 7 октября 1939 г., Танцырев – 22 июля 1939 г., то есть всем во время вынесения приговора не было еще 18 лет, т. е. они были несовершеннолетними.

Если рассматривать вопрос о том, что привело молодых рабочих к созданию группы сопротивления существовавшей власти, к написанию и распространению антисоветских листовок, то можно выделить целый комплекс причин. Это, прежде всего, значительное изменение общественной атмосферы в стране, связанное с осуждением культа личности Сталина, с началом открытого обсуждения волнующих людей вопросов, с развитием некоторых начал гласности и демократизации.

Следующей причиной явилась неудовлетворенность молодых людей своим положением, обостренное чувство справедливости.

На допросе 25 февраля 1957 г. В. М. Кульбиков сказал:

«Я слушал радиопередачи радиостанции “Освобождение” и “Голос Америки”, где распространялась клевета на Советский Союз, я пове-рил, что они говорят правду. Кое-что я сравнил с жизнью в настоящее время и находил в этом подтверждение. Например, моей матери не устанавливали пенсию, в магазине все дорого, полно в городе Златоуст нищих-попрошак и еще некоторые факты. В газетах и по радио сообщали, что <происходит> в капиталистических странах. В эти сообщения советской печати и радио я не верил. После каждой прослушанной радиопередачи я делился мнением со своими друзьями вначале с Синякиным Дмитрием и Танцыревым Юрием» [Там же, д. 5240, л. 18 об.].

Можно отметить, что В. Кульбиков жил в небольшом доме с матерью и женатым старшим братом.

Ю. Танцырев 24 февраля на допросе заявил:

«В конце января м-ца 1957 года проанализировав свою жизнь я пришел к выводу, что в нашей семье имеются большие недостатки в одежде, не хватает обуви. Я обозлился на такое положение и решил написать антисоветские листовки» [Там же, л. 117].

О трудной жизни людей в Златоусте и имевшемся недовольстве людей говорят и другие факты. Так, 2 июля 1957 г. помощник машиниста станции Златоуст К. Д. Калганов, 1924 г. р., русский, образование среднее, открыто критиковал отсутствие продуктов в магазинах, низкие темпы строительства жилья. Это попало в поле зрения органов госбезопасности и Калганов был осужден по ст. 58, п. 10, ч. 1 [см.: ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 31, д. 81552].

Это доказывает, что златоустовское выступление молодых рабочих не было единичным, оно отражало общую ситуацию в городе. Так, например, газета «Златоустовский рабочий» порой публиковала критические заметки о положении в городе. Так, 30 января 1957 г. появляется заметка под названием «О хлебной булке»: «Хлеб до сих пор продается кислым, подоженным, недопеченным, до сих пор в него попадают посторонние предметы (кусочек мочала)». Рядом заметка под названием «Почему нет молока»: «Население города растет, потребность в молоке увеличилась, но далеко не в каждом продуктовом магазине города и не всегда можно купить молоко». В заметке «Не те пуговицы» критикуется продукция местных швейной и обувной фабрики: «Из 985 пар обуви 109 пар вынуждены перевести в пониженных сорта» [Златоустовский рабочий, 1957, 30 янв.].

В значительной мере на рост антисоветских настроений в обществе повлияла и общая обстановка в стране после разоблачения культа личности Сталина, когда стала вскрываться правда о нарушениях законности и люди открыто стали выражать свое мнение. У молодых рабочих вступление во взрослую жизнь, которое само по себе является психологической ломкой, совпало с бурным периодом в истории страны, когда рушился до сего времени незыблемый авторитет «вождя всех времен и всех народов», а вместе с ним подвергались сомнению вся официальная идеология и вера в советские идеалы. Также толчком к активизации антисоветских выступлений в стране явились события в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. Неслучайно большинство антисоветских выступлений приходится на 1957 г. – время своего рода «поственгерского синдрома».

Нельзя отрицать, что у Владимира Кульбикова мог быть и личный мотив. Ведь его отец был осужден не за уголовное преступление, а, как тогда говорили, «по политической статье». М. А. Кульбикова судили по той же статье, по которой через 16 лет осудят его сына и тем же областным судом, через который позже пройдет и его сын. Отец из мест заключения не вернулся. По словам Владимира, он не знал, за что именно был арестован отец, «кажется, умер то ли в 1942, то ли в 1943 году» [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 47 об.].

Еще 10 августа 1956 г. жена М. Кульбикова написала заявление в прокуратуру области с просьбой «сообщить мне законно ли он был осужден и подлежит ли амнистии» [Там же, д. 3447, л. 76].

Об уровне существовавшего тогда правосознания можно судить по словам «подлежит ли амнистии», которыми фактически признаются факт преступления и законность решения суда. Заявление рассматривается и, по иронии судьбы, отец Владимира, Макар Кульбиков, осужденный в 1941 г. по ст. 58, решением Президиума Верховного

Суда РСФСР 3 сентября 1957 г. был реабилитирован через четыре месяца после того, как был осужден его сын. Мать Кульбикова, Наталья Андреевна, работала уборщицей на метзаводе, в том же цехе, что и сын. Кроме младшего Владимира, у нее еще были два сына и старшая дочь.

Необходимо указать и на наличие у молодых людей юношеского стремления к романтике, к атрибутам тайны и подпольного сопротивления. Неслучайным было совпадение по времени просмотра художественного фильма «Пролог» о рабочих-подпольщиках в 1905 г. и формирования подпольной группы. Из показаний Г. Зимнухова 25 февраля 1957 г.:

«В начале января в один из дней мы: Синякин, Кульбиков, Танцурев и я шли из клуба имени Чапаева, где смотрели кинокартину, какую я не помню, в ней было что-то о подпольной борьбе и распространении литературы. Под воздействием этого фильма кто-то из нас предложил писать и распространять антисоветские листовки» [Там же, д. 5240, л. 204 об.].

Под влиянием того же фильма члены группы договорились никого не выдавать, если кого-то возьмут, то всю вину брать на себя, на все вопросы отвечать «нет», «не знаю» [Там же, л. 211].

Поэтому в начале допроса В. Кульбиков заявил: «Никогда, нигде и ни с кем я не изготовлял и не распространял никаких антисоветских листовок». Д. Синякин вначале также заявил: «Нет таких разговоров между нами никогда не велось... Я лично такие радиопередачи никогда не слушал» [Там же, л. 82].

Но следователям УКГБ, профессионалам в своем деле, не составило большого труда добиться от неопытных подозреваемых признания. Для этого использовались психологическое давление, очные ставки, выезды на место, грамотно выстроенная тактика допроса. По словам З. М. Зимнуховой, следователь предлагал ребятам подписать уже готовый протокол. По существу, еще подростки, самим фактом ареста и предъявленным обвинением члены группы были просто смяты и раздавлены. Это хорошо видно по их фотографиям, сделанным во внутренней тюрьме УКГБ: растерянность и видимый испуг во взгляде. Через некоторое время Кульбиков стал давать признательные показания:

«Да, я подумал и решил рассказывать правду. Примерно в конце января 1956 года мой брат Василий, с которым я проживаю вместе, купил радиоприемник “Балтика”. Недели через полторы в первом часу ночи как-то случайно настроил приемник на передачу радиостанции “Освобождение”, в передаче говорилось, что в Венгрии произошло восстание,

а не контрреволюционный заговор и отрицательно говорилось о жизни в Советском Союзе и о коммунистах. Далее эти передачи я слушал каждый день или через день. Слушая эти передачи, я пришел к выводу, что у нас в СССР на деле все обманывают. Например, я думал, что по закону о пенсиях женщинам выдают пенсию с 55 лет, а моей матери 58 лет, а ей пенсию не дают, дорого стоит *модельная* обувь. Поэтому я решил расклеивать антисоветские листовки, чтобы убедить в этом людей. Писал и распространял антисоветские листовки я один» [Там же, л. 16 об.].

В. Кульбиков вначале утверждал, что первую листовку писали у него дома, объясняя, что «я решил взять все на себя» [Там же, л. 31]. Он заявил, что первый раз он написал семь листовок, второй раз тринадцать. Фактически Кульбиков попытался полностью взять вину на себя. Однако под давлением улик он был вынужден рассказать о своих друзьях. Юрий Танцырев также изначально заявлял, что все листовки он писал дома в разное время [Там же, л. 119].

Были моменты, когда на следствии обвиняемые давали показания, от которых затем отказывались. Так, Танцырев заявил на очной ставке с Исаевым:

«Синякин предлагал всем участникам нашей группы изготовить самодельные однозарядные пистолеты и, если придется распространять листовки в следующий раз, то в случае попытки задержать нас чтоб можно было отбиваться при помощи оружия. Ни о какой другой цели Синякин не говорил тогда, а я вчера выдумал, что будто мы собирались весной ездить по окрестностям Златоуста и грабить людей. Эти мои показания были неправильными» [Там же, д. 5241 л. 243].

Арест, допросы, предъявленные обвинения очень серьезно повлияли на поведение молодых людей. Синякин вынужден был признать: «...с листовками большую глупость допустили... Только на допросе я понял, какую громадную ошибку и преступление перед государством я совершил по своей глупости и несознательности» [Там же, д. 5240, л. 82].

Не исключено, что эти признания были вынужденными в надежде на смягчение меры наказания за совершенное.

В. Кульбиков заявил на допросе:

«Правдивость передач этих радиостанций, приводили примеры из нашей жизни. Примерно через полмесяца они стали верить моим рассказам. Синякин сам стал слушать передачи этих радиостанций и при беседах подтверждал, что он слушал эти передачи. У Зимнухова Геннадия и Танцырева Юрия радиоприемников нет и они слушать эти радиопередачи не могли» [Там же, л. 19].

Зарубежные радиостанции и их вещание на СССР и другие социалистические страны были важным атрибутом «холодной войны».

По признанию Д. Синякина, радиопередачи «слушал утром, в 6–8 часов, когда меньше было помех в эфире» [Там же, л. 207].

Подследственные во многом вели себя как не имеющие достаточного жизненного опыта, порой руководствуясь импульсивностью. Из материалов дела и объяснений: «возвращаясь с катка “Металлург”», «говорили наперебой»; «вначале колебались»; «я им сказал, что выдумаем чего-нибудь, сказав что антисоветское»; «вначале мы занимались гимнастикой и другими видами спорта. Затем я сказал, что скоро получать зарплату, но что получать нечего. Мне причитается получать рублей триста. Далее разговорились о жизни, о ценах и пришли к выводу, что мы плохо живем»; «встретили все втроем на катке “Металлург” Исаева Николая и ему рассказали о намерениях писать антисоветские листовки» [Там же, л. 19, 20].

Хорошо проявляется свойственное юношескому возрасту стремление к созданию тайственности, к приключениям: «Зимнухов предложил в целях конспирации писать листовки в перчатках, чтобы не оставлять отпечатков пальцев на бумаге» [Там же, л. 182].

Но все это можно назвать в большей степени игрой, чем настоящей конспирацией.

Из показаний Кульбикова:

«В воскресенье, по-моему, 20 января 1957 года, мы с Синякиным пришли домой к Зимнухову, разбудили его (он перед этим спал). Вскоре пришел Танцырев. Посидели, поиграли на гармошке. Я без всякой цели спросил у Зимнухова авторучку, чтобы посмотреть, в чем ее неисправность (раньше еще Зимнухов говорил, что у ручки неисправен зажим) В этот момент Синякин вспомнил, что мы собирались писать листовки и предложил тут же и начать выполнение задуманного. Я, Зимнухов и Танцырев поддержали его...» [Там же, л. 34].

Номинально руководителя группы не было, это признавали сами участники: «писали и распространяли листовки мы все сообща», но можно выделить В. Кульбикова, проявлявшего наибольшую активность.

Сестра Г. Зимнухова, З. М. Зимнухова, 1948 года рождения, написала:

«И я, и моя двоюродная сестра-журналистка считаем, что состоять в антисоветской организации нужен повод – быть обиженным властью. У ребят такого повода не было – все они из простых рабочих семей. Вспомните себя – вас в 17 лет политика интересовала? Их интересы ограничивались учебой, улицей, девочками. Все они были комсомольцами (комсомольцами были трое. – *Р. Х.*) Как можно совместить антисоветскую работу и преданность советским идеалам, комсомолу» [Придуманная история].

Если анализировать содержание листовок, то можно выделить ряд моментов. Авторы выступают за Советскую власть *не на бумаге, а на деле*, то есть они не выступают против власти Советов как таковой. Они выступают за возвращение к истокам революции, что было достаточно характерным для времени после разоблачения культа личности Сталина. Проявляется прямое неприятие официальной пропаганды (газеты, журналы, радио), приукрашивавшей реальную жизнь советских людей: трижды в листовке приводится призыв «не верьте». Проявляется предельно критическое отношение к условиям жизни в СССР: «не живут, а существуют», «рабы коммунистического режима». На следствии Синякин сказал, что «эту фразу я взял из прослушанной радиопередачи “Голос Америки”» [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 98 об.].

Авторы листовок приводят пример венгров и называют их выступление «народным восстанием». Свойственные молодежи категоричность и бунтарство прослеживаются через призыв «Да здравствует свободная Анархия!».

Г. Зимнухов на допросе заявил:

«...мы вели антисоветские разговоры, увязывая их с положением в стране и международной жизнью... мы говорили, что когда был Сталин у власти, то все его хвалили, а умер, говорят другое. Коммунисты знали о его плохих сторонах, но сами боялись говорить... Говорили о том, <что> Маленкова сняли с поста Председателя Совета Министров только потому, что он хотел сделать жизнь народа лучше... Синякин заявил, что Берия убрали только потому, что он хотел сделать жизнь для народа лучше. В связи с этим Синякин предложил создать свой отряд.

Следователь: Для чего? – Для того, чтобы в случае новой возможности переворота выступить с оружием в руках против Советской власти. Убивать коммунистов и партийных работников.

Следователь: Кого конкретно убивать? – Конкретно о лицах у нас разговора не было, кроме бывшего начальника милиции Гигипанова, которого особенно ненавидел Сидякин... Речь шла об убийстве только руководящего состава города, но фамилий мы не называли и я, например, не знал ни фамилии, ни других данных о руководителях города.

Оружие у вас было? – Нет, оружия у нас не было.

Где вы думали добыть оружие? – Синякин предлагал добывать оружие у работников милиции. Отрезать у них кобуры с пистолетами или убивать их. С этим все соглашались» [Там же, л. 208, 209].

Зимнухов также говорил о том, что у Синякина видел сплюснутый пистолет, который тот добыл на свалке в копровом цехе, а у Кульбикова самодельный кинжал.

В ходе следствия выяснилось, что Кульбиков и Синякин на своем станке выточили цилиндрический патрон диаметром в 45 миллиме-

тров и длиной в сто миллиметров, затем сделали для нее крышку и наполнили патрон бездымным порохом. Затем этот патрон 10 февраля взорвали в лесу, на горе, недалеко за Чапаевским поселком. Следователем был задан вопрос: *«Вы для чего это изготовили?»* – Ответ: Для развлечения» [Там же, л. 32].

Также надо привести слова Синякина, сказанные Кульбикову перед испытанием: «Посмотрим как она взорвется, то такая “штука” может Сереге пригодится. (Имеется в виду Коротенко Сергей – мастер цеха, где работает Синякин. – Р. Х). Синякин на него злой по работе и вероятно хотел использовать такую бомбу против него» [Там же, л. 37].

Однако сам Синякин на вопрос следователя «Для чего вы изготовили и начиняли порохом так называемый цилиндр?», ответил: «Этот цилиндр я делал, чтобы *развлечься, мне было интересно*, что произойдет с этим цилиндром» [Там же, л. 93].

Этот ответ достаточно близок к правде, учитывая возраст ребят и соответствующую специфику интересов.

Более того, Синякин с детства увлекался изготовлением самопалов, у него был неисправный «наган» [Там же, л. 36 об.]. Кульбиков с Синякиным в феврале 1957 года на токарном станке выточили два ствола [Там же].

На допросе 27 февраля на вопрос следователя: *«Для какой цели вами изготавливалось оружие?»*, Кульбиков путано ответил:

«Пистолеты мы хотели сделать для самообороны, т. к. я, Танцырев, Зимнухов, Синякин, Волков в случае войны хотели пойти на Запад и перейти на сторону противника, т. к. мы не хотели оставаться жить в Советском Союзе. Но вести какую-либо враждебную деятельность Советскому Союзу на территории противника мы не собирались» [Там же, л. 37].

После задержания Танцырева участники группы выбросили стволы в колодец. То, что они объясняли свое поведение так путано и противоречиво – вполне объяснимо, учитывая их возраст.

Весьма серьезные заявления о подготовке к совершению вооруженных действий не нашли подтверждения в ходе следствия. Следствие, а затем и суд учли данное обстоятельство, и нигде в деле не фигурировало обвинение в подготовке вооруженных выступлений против существующего государственного строя. Хотя достаточно громкие признания юношей об угрозе убийства коммунистов и милиционеров могли бы очень серьезно изменить суть обвинительного заключения.

Конечно, все следственные действия происходили уже не как в 1937–1938 гг. Физические меры воздействия к подсудимым не

применялись, ночные допросы уже были исключены из практики работы КГБ.

Так, допрос Кульбикова 25 февраля шел с 11.30 до 19.35 в присутствии прокурора города Костюка. Но, по словам З. М. Зимнухой, ребят кормили пересоленной пищей и не давали пить, пока не подпишут протокол [Придуманная история].

Арестованные Кульбиков, Синякин, Танцырев до суда содержались во внутренней тюрьме УКГБ по Челябинской области, остальные находились на свободе по подписке о невыезде.

Дело рассматривала судебная коллегия по уголовным делам областного суда 8 и 9 мая 1957 г. Заседание проходило в Челябинске в закрытом режиме. В процессе участвовали два народных заседателя, два адвоката, пять свидетелей из числа граждан, обнаруживших листовки.

Пять обвиняемых проходили по статье 58-10 и 58-11, а Волков по статье 58-12 УК РСФСР.

Кульбиков и Синякин были приговорены к 5 годам лишения свободы в ИТЛ, Танцырев, Исаев и Зимнухов – к 3 годам лишения свободы. В отношении Волкова суд на основании статьи 53 УК РСФСР счел возможным считать срок условным с испытательным сроком на два года [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 259–261].

Как было отмечено в обвинительном заключении о Волкове, «...он не донес органам Советской власти о ставших известными ему фактах изготовления и распространения в городе Златоуст рукописных листовок антисоветского содержания» [Там же, л. 213].

Если сравнивать приговор 1957 г. с приговорами 1920–1930-х гг., то следует отметить, что здесь отсутствовало такое наказание, как лишение политических прав.

Вместе с тем надо признать, что приговор участникам «златоустовского дела» был излишне суровым, исходя из возраста подсудимых, тяжести совершенных деяний и действительной их вины. Как и в 1930-е гг., наказанию подлежали не только поступки, но и образ мысли («вели антисоветские разговоры»). По прошествии времени З. М. Зимнухова назвала это дело «придуманной историей» [Придуманная история]. Во многом это соответствует действительности.

Хотя, если бы все происходило в конце 1930-х гг., приговор был бы несравненно более суровым. Можно найти объяснение этому обстоятельству. Как отмечают исследователи, предшествующие годы (1955–1956) характеризовались необычайным либерализмом органов госбезопасности.

Так, в 1956 г. по ст. 58 вообще не было возбуждено дел в 22 областях и автономных республиках РСФСР [ГАРФ, ф. 8131, оп. 32с, д. 5386, л. 27].

Однако, осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС, события в Венгрии, ряд выступлений внутри страны (Тбилиси), подъём оппозиционных настроений, повышение общественной активности людей привели к тому, что 19 декабря 1956 г. вышло письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Это привело к ужесточению карательной политики судебных органов. Если в 1956 г. по ст. 58 по стране было осуждено 136 чел., то в 1957 г. – уже 934 чел., а по ст. 58 п. 10 – соответственно 79 и 768 [см.: ГАРФ, ф. 9474, оп. 16с, д. 648, л. 4, 5].

И если в 1952 г. за антисоветскую агитацию на срок до 5 лет в 1952 г. было приговорено 0,4 % всех осужденных, то в 1957 г. – 51,8 % [см.: ГАРФ, ф. 9474, оп. 16с, д. 648, л. 11].

Все участники дела, работавшие на заводе, были уволены по ст. 47 п. «д» КЗОТ РСФСР. Данная статья применялась ко всем видам нарушения трудовой дисциплины: прогулы, систематические опоздания на работу, регулярное невыполнение указаний руководителей. Это был своего рода «волчий билет», с которым работнику затем было очень трудно устроиться на работу. Г. Зимнухов отбывал наказание в Иркутской области, был освобожден 10 июля 1958 г. на основании Указа Президиума ВС СССР от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» после отбытия трети срока заключения [см.: ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 298].

По этому же указу до срока были освобождены и другие осужденные.

«Златоустовское дело» было быстро и успешно раскрыто работниками УКГБ по Челябинской области. Будучи достаточно типичным и успешно завершенным, оно в ноябре 1958 г. было даже запрошено Высшей школой КГБ для использования в учебном процессе [см.: Там же, л. 280].

Это обстоятельство могло свидетельствовать и о типичности подобных дел в то время.

Дело № 1335 коренным образом повлияло на дальнейшие судьбы его участников, во многом поломало их, тем более что все произошло в самом начале их взрослого становления. Судьбы членов группы сложились по-разному. Они отбывали наказание в разных местах, но после отбытия срока вернулись в Златоуст. Как вспоминает младшая сестра Зимнухова Зоя, «Геннадий пилил лес под Читой, вернулся с сильным нервным расстройством, очень переживал годы заключения. Он рассказывал, что вместе с ним были бывшие полицейские, были и бывшие фронтовики, солдаты, попавшие в немецкий плен, именно

они его поддерживали» [Придуманная история]. После отбытия заключения все участники дела осознанно или вынужденно должны были *вживаться* в существующую общественную систему, иначе бы система их снова смяла.

С 1959 по 1962 гг. Г. Зимнухов служил в Советской Армии, затем работал на метзаводе. После принятия Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» Зимнухов первым в ноябре 1991 г. подал заявление о реабилитации, и Челябинской областной прокуратурой ему был дан ответ, что постановлением прокуратуры от 4 декабря 1991 г. все шесть участников «златоустовского дела» реабилитированы [см.: ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 299].

Однако такие справки получили только трое: Зимнухов, Исаев и Танцырев. Вполне вероятно, что остальных троих участников дела № 1335 к этому времени уже не было в живых. Г. Зимнухов умер 8 января 2005 г.

Н. Исаев умер 30 ноября 1997 г. Д. Синякин был освобожден из заключения в конце декабря 1958 г., 16 января 1959 г. поступил на работу токарем в ЭСПЦ № 2 ЗМЗ, также отслужил в армии, женился. В 1969 г. заочно окончил металлургический техникум, 2 июля получил диплом и буквально через два месяца, 12 сентября 1969 г. в возрасте 29 лет скоропостижно скончался, что, конечно же, вызывает вопросы [см.: архив Златоустовского городского округа (далее АЗГО), ф. Р-266, оп. 30, личная карточка 2491].

По словам З. М. Зимнуховой, двое участников группы, получивших большие сроки, покончили с собой, но этому нет документальных подтверждений. В. Кульбиков вернулся из заключения в июне 1959 г. и был принят на работу в ЗМЗ, в прокатный цех № 2 посадчиком металла, затем 26 августа был уволен в связи с призывом в Советскую Армию [см.: Там же, оп. 20, личная карточка 631]. Других данных о нем обнаружить не удалось. Заметим, что заключение в ИТЛ никак не отразилось на перспективах воинской службы, все ребята проходили службу в Советской армии.

На примере «златоустовского дела» можно видеть, что ст. 58 продолжала работать и в период «оттепели». Если сравнивать документы о политических репрессиях 1930–1940-х гг. с материалами дела № 1335, невольно приходишь к выводу, что существующая власть – «победившая революция», по известному выражению, «пожирала» не только своих детей, но уже и детей этих детей. Объективными причинами для выступления рабочих была неудовлетворенность своим положением. Молодежь изменилась, у нее появились собственные духовные запросы (неприятие лжи – *«не так гладко, как пишется в газетах»*) и иные материальные потребности (*«дорого стоит модельная*

обувь»). Отметим также и влияние появившегося «окошка» в другой мир в виде «радиоголоса».

Идеологией выступления молодых рабочих являлись «наивный коммунизм» и «народный сталинизм». После выступления на XX съезде партии многие увидели в Хрущеве предателя дела социализма, а плачевные результаты его реформ и превращение партноменклатуры в прослойку, оторванную от народа утвердили их в убеждении, что Хрущев и высшие чиновники – «буржуазные перерожденцы». И именно рабочие составили костяк людей, которые участвовали в массовых волнениях, прокатившихся в Советском Союзе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Эти выступления были во многом стихийными, локальными, не связанными между собой. Пиком этого движения стали массовые выступления рабочих в Новочеркасске 1–2 июня 1962 г., завершившиеся расстрелом. Власть реагировала на выступления рабочих репрессивными мерами.

Коренные противоречия советского общества невидимо и глубоко подтачивали и разъедали его. Однако власть пыталась решать проблемы методом устрашения недовольных или путем замалчивания. Но этим она только загоняла противоречия вглубь. Так, например, в документах бюро Златоустовского горкома КПСС и пленума горкома ВЛКСМ не удалось обнаружить свидетельств о реакции на создание в городе молодежной группы, выступившей с антисоветскими листовками. В центре внимания коммунистов были вопросы жилищного строительства в городе, постановление пленума ЦК партии «Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и Флоте». Даже на пленуме горкома КПСС от 12 июня 1957 г., где рассматривали вопрос «О состоянии массово-политической работы в городе в связи с подготовкой к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» был обойден факт деятельности молодежной группы [см.: ОГАЧО, ф. 225, оп. 18, д. 5, 8, 60].

Все более и более накапливаясь, неразрешенные противоречия привели к нарастающему системному и всеобъемлющему кризису, а в 1991 г. – к полному краху Советского государства.

Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р. 266. ОАО «Златоустовский металлургический завод».

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-8131. Прокуратура СССР. 1924–1991.

Ф. 9474. Верховный суд СССР. 1922–1991.

Златоустовский рабочий. 1957.

Иванов В. А. Анонимщики и власть в СССР в 1930-е – 1960-е годы // Новейшая ист. России. 2011. № 1. С. 27–44.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

Ф. П-225. Златоустовский городской комитет КПСС

Ф. П-288. Челябинский областной комитет КПСС.

Ф. Р-467. Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Челябинской области.

Паповян Е. Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг. По материалам Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР в ГАРФ // Мемориал. Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество. URL: <http://old.memo.ru/library/books/korni/chapter9.htm> (дата обращения: 30.09.2019).

Придуманная история. Запись информатора Зои Митрофановны Зимнуховой, 1948 г. р., проживает в городе Златоуст // Личный архив автора.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949–1991).

УДК 94(470.54-25).081/084.9

Л. Н. Мазур

ОТ УЕЗДНОГО ГОРОДА К СТОЛИЦЕ УРАЛА: ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА ЕКАТЕРИНБУРГА–СВЕРДЛОВСКА¹

В статье рассматривается эволюция городской среды Екатеринбурга–Свердловска в сравнении с траекторией социально-демографического развития города. Городская среда выступает важнейшим условием формирования человеческого капитала и включает экономическую, жизнеобеспечивающую и социально-культурную подсистемы. Развитие социально-культурной среды города на протяжении всего изучаемого периода было подчинено интересам экономики города, фактически выполняя обеспечивающие функции. Только во второй половине XIX в. оно приобретает самостоятельное значение, перейдя из системы отраслевого управления в ведение городской думы. Именно этот период, связанный с развитием местного самоуправления, был наиболее успешным в плане достижений культуры, образования, здравоохранения. Следующий этап догоняющей модернизации приходится на советский период, когда город превращается в центр оборонного машиностроения, переживает демографический взрыв и выходит на новый уровень развития социально-культурной инфраструктуры.

Ключевые слова: Екатеринбург, Свердловск, урбанизационный переход, демографическое развитие, городская среда, социально-культурная инфраструктура.

¹ Тема поддержана грантом РФФИ № 19-29-07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга–Свердловска)».